

В ЭТОМ НОМЕРЕ 12 СТРАНИЦ.

# РУССКИЕ НОВОСТИ

**№ 476**

**16 JUILLET 1954**

***Les Nouvelles Russes***

**Выходит по пятницам**

**10-й ГОД ИЗДАНИЯ**  
**DIXIÈME ANNÉE.**

**Tous les vendredis**

**PRIX DU NUMERO**

**40 frs**

**ОСНОВАТЕЛЬ А. Ф. СТУПНИЦКИЙ**

**Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2 — Tél.: CEN. 44-27.**

**Fondateur A. Stoupnitzky**

# С КОГО ПИСАЛ ЧЕХОВ

**П**О вопросу о том, кто из живых людей послужил оригиналом для тех или иных знаменитых литературных образов, изведено уже не мало чернил. Портретность в изображении своих героев находили и у Достоевского, и у Тургенева и у Толстого (в свое время говорили, что образ Каренина списан им с Победоносцева). Неоднократно указывалось и на беспочвенность подобных изысканий: писатель создает свои образы, конечно, «с натуры», но наделяет своего героя чертами множества виденных им живых людей, выбирая лишь самое характерное и необходимое, что и является сущностью и основной «тайной творчества».

Между тем некоторые указания на источник творческой работы писателя могут представить несомненный интерес и в чисто бытовом и в историко-литературном отношении. Таковы и те исследования, которые устанавливают с большей или меньшей точностью некоторые образы портретности в произведениях Чехова (этому вопросу в свое время посвящали несколько статей московский писатель Ю. Соболев, о том же говорит в своей, вышедшей сравнительно недавно книге — «Москва в жизни и творчестве Чехова» — А. Дерман).

✱

Одним из самых «громких», если можно так выразиться, случаев изображения Чеховым существующих людей является рассказ «Попрыгунья».

Когда он появился в начале 1892 года в журнале «Север», в московских интеллигентских кругах поднялась целая буря. Во всех героях этого рассказа, в скромном докторе Осипе Дымове, его «попрыгунье» — жене и ее приятеле — художнике, любовнике которого она потом становится, все узнали живых, всем в Москве хорошо знакомых лиц.

Это была чета доктора Кувшинникова, где часто собирались художники, писатели, артисты; бывал там часто и Чехов. Центром этого кружка была жена доктора, Софья Петровна Кувшинникова, художница — любительница, неизменная посетительница вернисажей и театральных премьер, ценительница искусства.

Москва была полна рассказов об ее оригинальности и эксцентричности. Подойдет, например, на вокзал к кассе и потребует:

— Пожалуйста, билет туда и обратно.

— А куда билет?

— Какое вам дело! — с возмущением восклицает Софья Петровна.

Подобного рода выходки создавали Кувшинниковой своеобразную популярность оригинальной женщины, что, повидимому, и входило в ее расчеты: ее слабым местом была жажда известности, а постоянной заботой — погоня за знаменитостями.

Сходство четы Кувшинниковых с героями «Попрыгуньи» усугублялось тем, что даже описание обстановки квартиры в рассказе соответствовало обстановке Кувшинниковых: у них тоже была столовая, отделанная «в русском стиле». Как и Осип Дымов, Дмитрий Павлович Кувшинников был простой и скромный человек, усердно занимался своим делом, жену любил, но интересам ее кружка был совершенно чужд. Для посетителей ее салона он был, своего рода, серым фоном для яркой фигуры Софьи Петровны, которой он предоставил полную свободу жить по своему.

С натуры был списан, судя по всему, и возлюбленный Ольги Ивановны — художник Рябовский. Это был не кто другой, как ближайший друг Чехова, художник Левитан. Самым пикантным было то, что отношения его с С. П. Кувшинниковой в точности соответствовали отношениям Рябовского и Дымовой.

Дело приняло «литературно-художественных кружках» Москвы размеры настоящего скандала. С Кувшинниковыми, после появления «Попрыгуньи», Чехов рассорился навсегда, а с Левитаном едва не прался на дуэли. Тот был вабешен, узнав себя в Рябовском, и написал уже вызов, чтобы послать его Чехову. Другам

стоило больших трудов убедить его отказаться от этого безумного шага. Во всяком случае, старые дружеские отношения распались надолго. Только через три года Левитан намекал Т. Л. Щепкиной — Куперник, что ему тяжела ссора с Чеховым, и Щепкина предложила ему сейчас же поехать в Мелихово. Там и состоялось примирение.

Между прочим, роман Левитана с Кувшинниковой дал Чехову тему для одного эпизода «Чайки». Однажды Левитан, убоив на озере чайку, бросил ее к ногам С. П. Кувшинниковой со словами: «Это подло и гадко. Бросаю мой скверный поступок к вашим ногам и клянусь, что ничего подобного никогда больше не сделаю». Несомненно, он рассказал впоследствии об этом Чехову, ибо в «Чайке» имеется совершенно тождественная сцена, когда Треплев бросает к ногам Нины Заречной убитую им чайку и когда Тригорин говорит, что это — сюжет для небольшого рассказа.

При всем том, сам Чехов категорически отрицал портретность в его произведениях. Когда, после появления «Попрыгуньи» в Москве стали говорить, что он «вывел» в ней знакомых всем лиц, он, в апреле 1892 года, в письме к Авидовой, горько жаловался:

«Вчера я был в Москве, но едва не задохнулся там от скуки и всяких напастей. Можете себе представить, одна знакомая моя 42-летняя дама, узнала себя в двадцатилетней героине моей «Попрыгуньи», и меня вся Москва обвиняет в пискливости. Главная улика — внешнее сходство: дама пишет красками, муж у нее доктор, и живет она с художником».

✱

Кто был прообразом чеховского «Человека в футляре»? На этот счет существует несколько предположений. Наиболее распространенным является мнение, что «моделью» для Чехова послужил инспектор таганрогской гимназии Дьяконов, Ю. Соболев выдвигает другую «модель», указывая на любопытную записку в дневнике Чехова за 1896 год об известном нововременском публицисте М. О. Меньшикове. Записка эта почти в точности совпадает с характеристикой учителя Беликова — «человека в футляре».

«М. О. Меньшиков, — пишет Чехов, — в сухую погоду ходит в калошах, носит зонтик, чтобы не погибнуть от солнечного удара, боится умыться холодной водой, жалуется на замирание сердца». А Беликов, по чеховской характеристике в рассказе «Человек в футляре», «был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате».

Это не исключает, конечно, что и некоторые черты Дьяконова включены Чеховым в созданный им облик Беликова.

В выпущенной в свое время книжке воспоминаний, брат Антона Павловича, М. П. Чехов уснаивают «портретность» двадцати пяти действующих лиц в различных произведениях Чехова, а также автобиографические штрихи во многих его рассказах. Рассказ «Певчие», например, написан несомненно под впечатлением тяжелых воспоминаний, когда отец Чехова, Павел Егорович, мучил сыновей, заставляя их петь в организованном им церковном хоре. Описание торжества открытия школы в повести «Три года» навеяно торжеством открытия школы, построенной Чеховым в Талезе, а учитель талезской школы явился прототипом для учителя Медведенки в «Чайке».

По поводу самой «чайки» — Нины Заречной — тоже существуют предположения, которым нельзя отказать в правдоподобии.

У Чехова была приятельница, с которой у него началось даже некоторое подобие романа — Л. С. Мизинова.

Это была молодая барышня, лет 22, приятельница его сестры, Марии Павловны. По профессии она была служавшей в московской городской управе, но одновременно посещала драматические курсы, немного пела, тянулась к артистическим кругам — словом была представительницей того художественно-арти-

стического дилетантизма, которым в те времена была богата московская жизнь. В Мелихове она появилась в начале 90-х годов, и очень скоро у нее с Чеховым начался полу-роман, полу-флирт. О том, впрочем, что это не был обычный летний мимолетный флирт, свидетельствует начавшаяся после отъезда Мизиновой в Москву, переписка между нею и Чеховым. Переписка эта велась, правда, в шутливых тонах, но «ва шутками чувствовалась иногда отзвуки чувств более серьезных. Существовал даже проект совместной поездки Чехова с Ликой (как называли все окружающие Мизину) на Кавказ».

И в общем облике, и в последующей судьбе Мизиновой было очень много такого, что действительно могло дать пищу Чехову для создания им образа Нины Заречной. Как и у героини «Чайки», у Мизиновой почти одновременно с флиртом с Чеховым, начался другой, уже настоящий роман, окончившийся неудачно и выбросивший ее на берег «с подбитыми крыльями». Героем этого романа был друг Чехова, известный в то время писатель Потапенко. И некоторые черты его не сомненно сохранились в образе Тригорина.

Переписка с Чеховым у Мизиновой, однако, продолжалась, и именно эти письма чрезвычайно напоямиаают разговор Нины Заречной с Треплевым после ее возвращения — разбитой и опустошенной — на берега родного озера.

Едва ли не самым интересным — и характерным для Чехова — в области «портретности» его образов, является то, что в фигуре писателя Тригорина есть очень много черт... самого Антона Павловича. Неоднократно указывалось на совпадение того, что говорит Тригорин в «Чайке» о своем творчестве с признаниями самого Чехова.

«Что касается писания в свое удовольствие, — писал он в одном из своих писем к Л. С. Мизиновой, — то вы, очарователь-

ная, прочирикали это только потому, что не знакомы на опыте со всей тяжестью и с угнетающей силой этого червя, подтачивающего жизнь, как бы мелок он ни казался вам». И в следующем 1894 году Чехов писал той же своей приятельнице: «Ни на одну минуту меня не покидает мысль, что я должен, обязан писать, писать и писать».

Совершенно то же говорит и Тригорин: «Когда кончаю работу, бегу в театр или удить рыбу; тут бы и отдохнуть, забыться, а нет, в голове уже ворочается тяжелое, чугунное ядро, — новый сюжет, и уже тянет к столу, и надо спешить опять писать и писать. И так всегда, всегда, и нет мне покоя от самого себя, и я чувствую, что съедаю собственную жизнь».

Отступая несколько от темы, приведем интересную авторскую ремарку Чехова по поводу внешности Тригорина. Эту роль исполнил Станиславский. «Я вообще не был знаком, — пишет он в своих воспоминаниях, — с литературным миром, не имел никакого представления о жизни, быте, тинах этого мира, и потому Тригорин мне представляется со всем не таким, как писал его Чехов. Я играл его почти франтом, очень немолодым. Чехов сделал мне лишь одно замечание:

— У него же клетчатые брюки и дырявые сапоги.

Меня это замечание очень удивило. Я не понимал, что хочет сказать этим Антон Павлович, и только когда «Чайку» возобновили и я снова стал работать над ролью, я понял какой глубокий смысл заключается в этом, как будто чисто внешнем указании на костюм Тригорина. И не только он, но весь характер романа Нины Заречной осветился для меня по иному. Нина Заречная, на читавшихся милых, но пустыньких небольших рассказах Тригорина, влюбляется не в него, а в свою девическую грезу. В этом и трагедия подстреленной чайки».

А. Дедов.